

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-158-165

«ИМАГИНАТИВНАЯ ФИЛОСОФИЯ» Я. ГОЛОСОВКЕРА И «ИМАЖИНАТИВНАЯ МЕТАФИЗИКА» Г. БАШЛЯРА: ДВЕ МОДЕЛИ ФИЛОСОФИИ ВООБРАЖЕНИЯ

О.Г. Арапов

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

В статье рассматриваются философские концепции воображения и реальности воображаемого (имагинативной реальности) русского мыслителя Я.Э. Голосовкера и французского мыслителя Г. Башляра. Показывается связь и общность их подходов к решению проблем бытия и познания, человека и культуры в рамках разрабатываемой ими имагинативной философии. На основе анализа их идей определяется место, функции и роль воображения в познании и в бытии.

Ключевые слова: воображение, имагинативная реальность, смыслообраз, онирическое знание, энigmatивное познание, миф, философский гнозис

Введенная в гносеологию И. Кантом проблема роли воображения в познании интенсивно разрабатывалась в психологических и философских концепциях начиная с конца XIX в., постепенно расширяя и углубляя свое предметное поле и когнитивный аппарат. Глубокую проработку и оригинальное решение проблема воображения получила в концепциях двух выдающихся представителей философской мысли первой половины прошлого века — русского метафизика-интуитивиста Якова Эммануиловича Голосовкера (1890—1967) и французского неорационалиста Гастона Башляра (1884—1962). Они внесли существенный вклад в понимание природы воображения, истоков и сущности разного рода имагинаций: мифологической, поэтической, метафизической и др., в осмысление структурно-функциональных аспектов воображаемой реальности и онто-гносеологических оснований имагинативного бытия.

Несмотря на некоторое различие подходов, целей и задач, оба философа в равной мере глубоко постигают природу и закономерности воображения и воображаемого как важнейшего и сложнейшего компонента сознания, как вселенную воплощенных в сущем различных смыслообразов, достигают высокой степени осмысления имагинативных оснований человеческого бытия и познания.

Если Г. Башляр исследует главным образом природу поэтической грезы, стремясь осмыслить онтологию поэзии и ставя конечной целью постижение самой человеческой «*потребности воображать*» (1), то у Я.Э. Голосовкера проблема воображения ставится прежде всего в связи с мифологией и имманентной метафизикой, а ее решение связано с задачей создания, основанной на «*разуме воображения*» (далее без кавычек — *О.А.*) новой метафизики как абсолютной онтологии и гносеологии. При этом оба мыслителя идут путем синтеза различных культур-

ных, философских и научных традиций, привлекают обширный эмпирический материал из мифологии, религии, поэтического творчества и т.д. В результате создается по сути новая синкретическая имажинативная философия. При этом понятие имагинации трактуется широко. Оно несводимо только к смыслу воображения как человеческой способности представлять вещи, чувственным образом непосредственно не данные, а получает дополнительные онтологические, гносеологические и даже нравственные значения. Так, например, Голосовкер говорит даже о *совести* воображения. В обеих концепциях оно служит основанием широкого философского синтеза духовного опыта: мифотворческого, религиозного, эзотерико-мистического, поэтического, созерцательно-метафизического и др.

Голосовкер считает, что по своей природе воображение *инстинктивно*. Оно есть порыв. Однако, в отличие, скажем, от шопенгауэровской воли, воображение не бессознательно, а напротив, сознательно в особом высшем смысле. Через реализацию потребности человеческого духа в созидании всевозможных символических миров воображение дает свободу действию абсолютного начала в бытии. Этот инстинкт, понимаемый им как инстинкт культуры, врожден, но в то же время развивается в человеке в процессе его исторического существования. «...в этом его сознании, в его познавательном порыве и зарождающемся искусстве мыслить, первородным было *воображение*» [6. С. 32]. Для Голосовкера центральная функция онтология воображения — придание высшего смысла существованию, она в том, чтобы «*дать цель бытию*» [6. С. 106].

Позиция Г. Башляра иная. Воображение и реальность воображаемого (имажинативная реальность) исследуются им в рамках «поэтической, или непосредственной онтологии», частью которой и является концепция «материального воображения». Башляр формулирует ее следующим образом. «Под именем *материального воображения* мы занялись изучением поразительной способности в “проникновении”, каковая поверх соблазнов воображения форм начинает мыслить материю, жить в материи или, иными словами, материализовать воображаемое. Мы посчитали, что имеем все основания вести речь о законе четырех типов материального воображения, о законе, с *необходимостью* сочетающемся с творческим воображением один из четырех элементов: огонь, землю, воздух или воду. Несомненно, конкретные образы могут быть многоэлементными, существуют образы *составные*, однако жизнь образов подчиняется более труднонаходимой чистоте преемственности. И коль скоро образы выстраиваются в ряды, они отсылают к некоей первоматерии, к первостихии. Физиология воображения в еще большей мере, нежели его анатомия, подчиняется закону четырех стихий» [3. С. 22].

С точки зрения Башляра, любой вид поэтики берет свои составляющие из материальной субстанции. Это возможно по причине того, что некоторые виды ее переносят в нас свою *онирическую* мощь. «Материи стихий вбирают в себя, хранят, возбуждают и упорядочивают наши грезы», — пишет Башляр [2. С. 188]. Мифопоэтические образы обладают динамизмом материальных стихий и раскрываются в непосредственной онтологии. Поэтому жизнь онирических образов тем ближе к своей сущности, чем менее она испытывает гнет форм и чем ближе она к субстанции и жизни породившей ее первостихии. Каким бы естественным при та-

ких условиях ни казалось смыкание с формой, оно рискует скрыть первоначальную реальность, «отключить» глубочайший поток онирической жизни.

Эти соображения положены им в основу концепции «*онирического познания*», общие черты которой представлены в его работах второй половины 30-х — начала 60-х гг. XX в. По Башляру, материальные составляющие образа служат источником наиболее высоких творческих дерзаний духа и глубочайших прозрений разума, которые отличаются от «ясных мыслей» холодной рассудочности. В эссе «Художник на службе стихий» он пишет: «Стихии — огонь, воздух, земля и вода, уже издавна помогавшие философам представить великолепие мироздания, остаются и первоначалами художественного творчества. Воздействие их на воображение может показаться довольно косвенным и метафоричным. И, тем не менее, едва устанавливается подлинная причастность произведения искусства космической силе элементов, сейчас же возникает впечатление, будто мы нашли основание единства, подкрепляющего единство и целостность самых совершенных произведений» (2). Башляр убежден, когда мы отдаем себя во власть онирических грез, растворяемся в них, переставая в сновидениях быть самими собой, мы покоряемся созидательно-возрождающей силе стихии.

Несколько иначе трактует имагинацию Голосовкер. Он говорит о воображении как высшем «органе разума» и одновременно и об имагинации как особого рода творческой и познавательной способности, которая проявляется в двоякой форме: в форме *созерцания* и в форме *инспирации-вдохновения*. «Вдохновение — высшая степень созерцания. Из внутреннего опыта мы воспринимаем вдохновение как энтузиазм-самопогружение, т.е. как некое вовлечение-в-себя: (эзотерическое состояние), и как экстаз, как некий выход-из-себя (экзотерическое состояние)» [6. С. 84—85]. По убеждению Голосовкера, именно в моменты вдохновения творчество является одновременно и познанием. Вдохновение является условием осуществления *энигмативного* знания, роль которого заключается главным образом в обнаружении и раскрытии в вещах нового, *небывалого*. Оно представляет собой род имагинативного познания или познания, основанного на разуме воображения, проникающего в тайну внутренних образов реальности. Имагинативное творчество и познание на высоких своих стадиях принимает формы *энтузиазма* и *экстаза*.

Существенным компонентом имагинативного познания выступает разум воображения, который в свою очередь руководим *интеллектуальной интуицией* и «*умным чувством*», познающим непознанное, т.е. то, «для чего еще и слов нет» [6. С. 84—85]. Умное чувство проявляет себя в глубочайших актах философского созерцания, в эстетических прозрениях мифа, в интеллектуальной интуиции метафизики, а также в визионерском *виденье* поэзии. На вопрос о том, что такое интуиция, он отвечает следующим образом: «Это значит, что воображение познает: оно представляет себе нечто, из прошлого опыта ему неизвестное, т.е. *постигает*, а не воспринимает» [6. С. 27].

Интеллектуальная интуиция непосредственно «угадывает» (интуитивная гипотеза) смысл той или иной высшей идеи, причем творческая и познавательная функции воображения здесь неотделимы одна от другой. Одним из ключевых положений философского гнозиса Голосовкера является утверждение, что вообра-

жение не только создает эстетические мыслеобразы, заключающие своего рода воспоминания о чувственной реальности, и представляет собой род активной памяти, но также, созидая мир имагинативных смыслов, воспроизводит внутренние сущностные формы реальности. «Созерцая, мы угадываем воображением смысл созерцаемого», — отмечает он [б. С. 61], а движение воображения вглубь реальности — это разворачивающаяся логика смысла, имагинативная логика. «Процесс угадывания привходит в самое движение логики воображения по смысловой спирали. Угадывание есть внутреннее зрение самой имагинативной логики: ее виденье. Эта логика не слепа, как некоторые механизмы психической деятельности. Она зрячая, созерцающая, деятельная мысль — безразлично, будет ли имагинативный объект ее созерцания взят из внешнего или из внутреннего мира: в том и в другом случае логика воображения несет его идею, которую и развивает» [б. С. 61]. Это значит, что в воображении скрыто присутствует своя истина — *истина воображения*. Прибегнув к языку поэтической образности, он даже говорит о необходимости измерить мыслью «глубину имагинативного моря истины» [б. С. 65].

У Г. Башляра мы также находим похожие представления о природе воображения. «В составляющих предмет нашего исследования очерках спонтанного воображения, воображения живого, — пишет он в одной из своих книг, — нам показалось полезным рассматривать этот образ в тех случаях, когда он не был порожден традицией. Если бы мы осуществили эту задачу, мы доказали бы естественный характер порождения образов, мы увидели бы, как складываются частичные мифологии, мифологии, сводящиеся к естественному образу» [3. С. 242]. Спонтанность воображения, с точки зрения Башляра, необходимо понимать как *автокаталитический* процесс, т.е. как самопорождение образов и самопроизвольное внутреннее подпитывание их своей собственной энергией, когда воображение является, по его словам, «ферментом самого себя» [3. С. 258]. Такое состояние означает «бесконечное взаимодействие образов», имагинативное всеединство. При этом субъект не является абсолютно полновластным хозяином своего воображения, его контролирующей целиком и полностью субстанцией. Напротив, здесь утверждает себя «грезящая в нас материя» [3. С. 202]. Естественность воображения и есть воображение естества, но не как чего-то внешнего субъекту, а как имманентного ему самому.

Таким образом, в работах Голосовкера и Башляра показано, что имагинация как форма сознания включает в себя: 1) имагинативный инстинкт и имагинативную волю; 2) собственно воображение и разум воображения; 3) «умное чувство»; 4) инспирацию или вдохновение; 5) «внутренний опыт», «внутреннее зрение», «внутренний свет»; 6) созерцание и интеллигибельную интуицию; 7) творческую фантазию. У Башляра находим еще один важный компонент имагинативного опыта — *греза*. Грезы, имеющие непосредственное отношение к онирическому знанию, согласно его собственной классификации, бывают дневные («сны наяву») и ночные (сновидные).

Имагинация есть деятельность разума, творческая и познавательная одновременно. В концепции Голосовкера имагинация служит воплощению разума в при-

роде, в мире, а мира в бытии человека. «Вдохновенно творя, создатель познает идею-форму-сущность-смысл, воплощаемые в создаваемое им в процессе самого комбинирования. Он познает не „неизвестное“ через „известное“, т.е. через заранее известные ему элементы... из которых он комбинирует, а познает „неизвестное“ непосредственно: открывает его и влагает в общий комплекс смысла и формы» [6. С. 86]. В процессе имагинативного познания созидаются миры, которые являют скрытое, *тайное* в вещах, но что не может быть выведено *только* из них самих. Сила заключена в самой их природе: эти имагинативные миры суть образы *идей* и *смыслов*. Воображение «слепоту рассудка и его аргументов противопоставляет зречести собственно имагинативного предвидения. Оно предугадывает будущее» [6. С. 63].

Близкая позиция и у Башляра. Он не разделяет категории *реального* и *воображаемого*, он утверждает, что «реализм воображаемого сплавляет воедино субъект и объект» [4. С. 90], подчеркивает *взаимобратимость* субъективного и объективного в воображении. Такое диалектическое единство он иллюстрирует проблемой локализации образа. Из того, что «образ находится в нас», «растворен внутри нас», он делает вывод, что «мы живем в образе», «живем внутри образа» [4. С. 94, 95]. По мнению Башляра, здесь нет противоречия, ведь для воображающего субъекта такое двуединое состояние является вполне естественным, это и есть жизнь самого воображения.

Таким образом, и у Голосовкера, и у Башляра имагинативный разум выступает как безгранично подвижная познавательная самодеятельность, себя расширяющая и преодолевающая, лишенная каких-либо неизменных оснований. Такая позиция подводит их к идее новой философии, основанной на «умном чувстве», познающем непознанное, на познавательной интуитивной силе воображения, философии как особого рода высшего искусства («*философия-как-искусство*»), которая наряду с метафизикой, включает в себя также *мифологию* как имагинативную эстетику и *философию мифа*, стремящуюся постичь поэтику мифа как продуктивную онтологию. Такая философия — искусство построения мира и мировой истории из смыслообразов. В философии «созерцать» и означает «воображать». Созерцая, философ угадывает воображением смысл созерцаемого. Так, Голосовкер говорит о классиках мировой философии (Гераклит, Платон, Шеллинг, Шопенгауэр, Ницше и др.) как о «поэтических философах», подчеркивая их одержимость высшим инстинктом духа, движущимся силой воображения, и создающим поэтично-философские образы реальности, содержание которых невыразимо ни в каких абстрактных понятиях [6. С. 56]. Философское созерцание есть познавательный опыт воображения, это опыт философов и философии как искусства.

В своих работах Голосовкер много внимания уделяет вопросам связи философии и мифа. Миф — это «не выдуманный мир, это мир истины, но открываемый мне через имагинативные смыслы в философии, через образы в искусстве. То и другое есть искусство. Некогда миф был бессознательной идеологией науки. Об этом забывают. Миф тоже принадлежит миру искусства» [6. С. 57]. Имагинативная логика мифа имеет ход, обратный логике воображения философии, фило-

софскому созерцанию, она раскручивается в противоположном направлении — от чувственно-эмоционального переживаемого смысла как чуда к сути вещей как тайному источнику их бытия. Поэтому в мифе заключены не только идеи-истины, но также и образы будущего, надежды грядущего. Миф дает воображению возможность разворачивать и охватывать идею, а также непосредственное бытие смысла в их бесконечной глубине. В этом смысл мифологического символического образа. Образ служит символом до тех пор, пока знание, выраженное символически, не становится знанием, выраженным в научных понятиях. «Воображение изобрело миф: мир, в котором были сокрыты истины, невыразимые по-обычному мыслью-словом» [6. С. 66].

Философия, выделившаяся из мифа в качестве особого типа общественного сознания и формы познания, первоначально была вскормлена его материнским молоком, утолявшим жажду *живого* и цельного знания, утишавшим голод осмысленного бытия (3). Мы часто забываем, — замечает Голосовкер, — что и Гераклит, и Платон «мыслили мифологически... именно там, где не могли высказать дискурсивно ту свою истину, которую их воображение столь же образно воспринимало, как и высказывало. Короче говоря, Гераклит и Платон познавали тогда мир мифологически, имагинативно, силой воображения, силой логики этого воображения, как высшей функции разума» [6. С. 115].

Г. Башляр, также как и русский философ, опираясь на богатый поэтический опыт «глубочайшего потока онирической жизни», на опыт истории мифологического сознания, древнегреческой, древнекитайской и древнеиндийской философии, осуществлял их своеобразный синтез в рамках собственной имагинативной метафизики [1. С. 70—80]. И Голосовкер, и Башляр подходят к проблеме *опережающего знания* как в философии, так и в искусстве. «Не без основания полагают, — пишет Голосовкер, — что искусство есть также знание в образах. Поэтому оно обладает силой такого могучего воздействия на человека. Художник может выражать идеи, для которых знание научное или „опыт“ еще не созрели» [6. С. 69]. Это напрямую связано с интуицией разума, творящего и одновременно познающего воображением.

Таким образом, в учениях Голосовкера и Башляра мы находим своеобразную форму сближения философии и поэзии, философии и мифологии, философии и художественно-эстетического мышления и др., истоком которой является воображение. «...Человек в такой же мере не может перестать быть философом, как не может перестать быть поэтом. Его ведет и спасает ... высший инстинкт: Имагинативный Абсолют» [6. С. 25]. Для них философия-как-искусство и поэзия как высший род метафизики направляются (как и миф) стремлением к никогда до конца не воплощаемой в чувственных образах полноте бытия. Оба мыслителя видят в воображении важную субстанцию бытия. В воображении кроются истоки созидательной мощи человеческого духа и всякой бытийственности, обретаются смыслообразы сокровенной жизни человека. По сути, эти имагинативные миры являются космосами идей и духовными смыслами существования, они — своеобразные скрепы бытия. Выводя на свет скрытое в вещах, творя новое, необы-

валое, они утверждают саму реальность бытия. «Воображение драматизирует мир вглубь», — пишет Башляр [2. С. 208].

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что независимая разработка в одно и то же время проблематики воображения и имагинативного бытия в двух разных философских традициях (русской и французской) во многом символична. Она говорит и об актуальности данной проблемы, не утерянной и для нашего времени, т.е. спустя уже более полувека после того, как она была поставлена, и об ее объективном характере, а также и о близости философских традиций.

Кроме того, следует особо отметить еще один момент, который свидетельствует о важности роли исследований Голосовкера и Башляра для современной философии. Культура в стадии цивилизации с ее мироощущением все ускоряющегося времени страшится вечности. Как писал Н. Бердяев, «дух цивилизации — мещанский дух, он внедряется, прикрепляется к тленным и преходящим вещам; он не любит вечности» [5. С. 80]. Голосовкер говорил, что культура как порождение имагинативного абсолюта есть стремления к вечности. И Голосовкер, и Башляр отстаивали ценность созерцания и созерцательной жизни как атрибутов истинной философии и философского жизнепознания. Созерцание имеет деятельно-творческий характер; оно есть глубочайший источник творческого начала в жизни и познании. Трагический отрыв от созерцательной жизни — путь для человека и культуры погибельный.

© Арапов О.Г., 2017

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Цит. по: Филиппов Л.И. Проблема воображения в работах Гастона Башляра // Вопросы философии. 1972. № 3. С. 156—164.
- (2) Цит. по: Большаков В.П. Искушение стихиями // Башляр Г. Вода и грезы. С. 7.
- (3) Обширный материал, а также анализ различных философских концепций мифа, мифологии и мифотворчества находим в двухтомном исследовании В.М. Найдыша, а также в работах А.Ф. Косарева, Г.Н. Оботуровой, Ю.С. Осаченко др. См.: Найдыш Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М.: Гардарики, 2002. 554 с.; Он же. Философия мифологии. XIX — начало XXI в. М.: Альфа-М, 2004. 544 с.; Косарев А.Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. СПб.: Унив. кн., 2000. 302 с.; Оботурова Г.Н. Философия мифа. Вологда: Русь, 1998. 157 с.; Осаченко Ю.С., Дмитриева Л.В. Введение в философию мифа. М.: Фирма «Интерпракс», 1994. 173 с.
- (4) См. в этой связи: Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Аксиома, Новатор, 1996. XL + 232 с. С. 149—183.
- (5) См. по данному вопросу: Резвых П. Мифология как предмет и дисциплина в романтической *Altertumswissenschaft* // Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 651 с. С. 124—156.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арапов О.Г. Онтологические основания в философии неорационализма Г. Башляра // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2009. № 2.
- [2] Башляр Г. Вода и грезы: Опыт о воображении материи. М.: Изд-во гуманитар. лит., 1998. 268 с.

- [3] Башляр Г. Грезы о воздухе: Опыт о воображении движения. М.: Изд-во гуманитар. лит., 1999. 344 с.
- [4] Башляр Г. Земля и грезы о покое. М.: Изд-во гуманитар. лит., 2001. 319 с.
- [5] Бердяев Н. Воля к жизни и воля к культуре // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М.: Политиздат, 1990. 528 с.
- [6] Голосовкер Я.Э. Имагинативный абсолют. М.: Академический Проект, 2012. 318 с.

Сведения об авторе:

Арапов Олег Геннадьевич — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: oleg-arapov@rambler.ru).

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-158-165

**“IMAGINATIVE PHILOSOPHY” OF Y. GOLOSOVKER
AND “IMAGINATIVE METAPHYSICS” OF G. BACHELARD:
TWO MODELS PHILOSOPHY OF IMAGINATION**

O.G. Arapov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article deals with the philosophical concept of imagination and reality voob-Rage (imaginative reality) Russian thinker Golosovker and French philosopher Bachelard. Showing connection and commonality of approaches to solving the problems of being and knowledge, and human culture in the framework of developing their imaginative philosophy; also based on an analysis of their ideas it is determined by the location, function and role of the imagination in cognition.

Key words: imagination, imaginative reality, semantic, oniricheskoe knowledge enigmativnoe knowledge, myth, philosophical gnosis

REFERENCES

- [1] Arapov OG. Ontological foundation in philosophy neorationalism G. Bachelard. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*. 2009, (2). (In Russ).
- [2] Bachelard G. *Water and Dreams: An Essay on the imagination of matter*. Moscow: Publishing House of the humanitarian lit.; 1998. (In Russ).
- [3] Bachelard G. *Dreams of air: experience movement on the imagination*. Moscow: Publishing House of the humanitarian lit.; 1999. (In Russ).
- [4] Bachelard G. *Land and dreams of peace*. Moscow: Publishing House of the humanitarian lit.; 2001. (In Russ).
- [5] Berdyaev N. Will to live and the will to culture. *At the turn. Philosophical discussions 20s: philosophy and worldview*. Moscow: Politizdat; 1990. (In Russ).
- [6] Golosovker YE. *Imaginative absolute*. Moscow: Academic Project; 2012. (In Russ).